

Один из первых исследовательских проектов в области экономической истории был реализован в конце XIX – начале XX вв. русскими статистиками в ходе изучения «живой истории» общины.

«Живая история» сибирской общины: *Л. С. Личков*

Д. Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ,
кандидат экономических наук,
Байкальский государственный университет
экономики и права,
Иркутск

В среде отечественной научной интеллигенции начиная с середины XIX столетия шла весьма оживленная дискуссия по поводу происхождения русской земледельческой общины. Одни видели в ней пережиток «первобытного коммунизма», призванный быть вытесненным более высокими хозяйственными отношениями. Другие связывали появление института общины с деятельностью государства, руководствовавшегося фискальными соображениями и создавшего этот институт для облегчения взимания с крестьян налоговых повинностей.

Сельская община, по общему мнению, переживала критический момент в своем существовании: необходимо было поддерживать этот «осколок русской старины» или способствовать процессу разложения общины и переходу крестьянской массы к «участковому землевладению», сложившемуся в большинстве стран Европы.

Полемика долгое время носила преимущественно теоретический характер, и лишь на исходе 1870-х годов было положено начало новому, фактическому подходу к изучению общины. Статистикам, получившим возможность наблюдать исторические различия как этнографическое яв-

© ЭКО 2006 г.

ление, принадлежал приоритет в разработке новых аналитических методов познания прошлого этого института.

Программа исследований

Старт реализации исследовательского проекта был дан в 1878 г., когда практически одновременно увидели свет программы изучения поземельной общины, составленные под эгидой двух крупнейших отечественных научных институций того времени – Вольного экономического (ВЭО) и Русского географического (РГО) обществ¹.

Одним из составителей программы ВЭО был П. А. Соколовский, в книге которого «История сельской общины на севере России» прозвучала мысль о необходимости проверки исторических фактов сведениями о современном общинном быте крестьян, являющимся «живым архивом», «в котором можно найти гораздо более исторических данных, чем во всех сохранившихся памятниках»². Все исторические формы общинного землевладения и землепользования, по его мнению, можно было воочию наблюдать в различных районах России.

Именно эта идея получила дальнейшее развитие в объяснительной записке к программе, разработанной комиссией отделения этнографии и статистики РГО³. Последняя увязала ее с развитием отечественной экономической науки: «Все политико-экономические законы и положения относительно землевладения... основаны на тех порядках..., которые развивались в государствах западной Европы, и на крайне отрывочных наблюдениях, собранных западными же

¹ См.: Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине, выработанная III отделением Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1878; Опыт программы исследования поземельной общины, составленный Комиссией при Императорском Русском географическом обществе. СПб., 1878.

² Соколовский П. А. История сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 159.

³ Программа РГО увидела свет лишь месяцем позднее документа, составленного ВЭО. Ее составители не скрывали факта заимствований из программы ВЭО. Более того, вторая редакция программы ВЭО была принята Географическим обществом, и последующие издания увидели свет уже под грифом обеих научных институций.

учеными в других странах мира, большею частью случайных, и притом нередко у народов, стоящих на крайне различных ступенях культуры и живущих при совершенно особых от европейских условиях жизни»⁴.

Такие экономические построения, на взгляд авторов программы, лишены прочной опоры. Ее могут дать лишь оригинальные отечественные исследования, главным образом, «живой истории» русского общинного землевладения и землепользования, проводимые на окраинах страны, где «общинного землевладения в его чистой форме не существует»⁵, и воочию можно наблюдать постепенное его развитие.

На появление программ ВЭО и РГО откликнулись и сибирские интеллектуальные круги. В 1879 г. в Омске Западно-Сибирским отделом РГО была выпущена «Программа исследования сельской общины в Сибири», составленная Н. М. Ядринцевым. В том же году программа с просьбой доставить сведения о существующих в Иркутской губернии поземельных общинах была распространена Восточно-Сибирским отделом РГО.

Разосланные программы вызвали отклик немногочисленных корреспондентов, ответы которых в большинстве своем не соответствовали поставленным вопросам. Неудача этих первых попыток обратила взоры научного сообщества на состояние науки, основные направления ее развития в Сибири, положение научных институций, кадровое обеспечение исследований и т. д.

«Неспорно, что почтенное дело – изучать природу во всех ее царствах; но ведь никто же не станет спорить, что “человек – ближе всего к человеку”», – писала газета «Сибирь», устами своего издателя-редактора М. В. Загоскина утверждавшая, что настала пора перенести акцент с исследования «естественной истории» региона на изучение «хо-

⁴ Опыт программы исследования поземельной общины, составленный Комиссией при Императорском Русском географическом обществе. СПб., 1878. С. 2–3.

⁵ Там же. С. 4. Программа дала и название исследовательской области – «живая история общины», хотя А. А. Кауфман, введший это выражение в научный оборот, использовал первоначально понятия «застывшая история», «осколок истории» и др.

зяйства в обширном смысле», а именно – на познание форм общежития и «исконных способов пользования землею и ее дарами»⁶.

Инициатива проведения таких исследований должна была принадлежать, при отсутствии в Сибири земств, прежде всего местным администрациям, нуждавшимся в достоверной информации для нужд управления территориями. Высказывалось оправданное сомнение в осуществимости исследований силами отделов РГО, фактически – добровольных корреспондентов (учителей, священнослужителей, волостных писарей и пр.), в чей адрес рассылались программы. Ставился вопрос о необходимости организации специальных экспедиций или комиссий, опыт учреждения которых был уже накоплен отечественной наукой. И действительно, реальный вклад в дело изучения генезиса общины внесли исследования, осуществленные экспедиционным путем – полевые исследования русских статистиков.

Л. С. Личков (1855–1943 гг.)

Старт хозяйственно-статистическим исследованиям был дан Государственным советом, рассмотревшим в апреле 1887 г. представление Министерства государственных имуществ «О мерах к поземельному устройству сельского населения Восточной Сибири» (мнение Госсовета было высочайше утверждено 12 мая того же года) и поручившим «организовать особый отряд из чинов ведомства Министерства государственных имуществ для исследования условий быта сельского населения в Восточной Сибири в видах правильного разрешения вопросов о размерах земельного надела и оброчной подати»⁷.

Высшее руководство работами было возложено на иркутского генерал-губернатора графа А. П. Игнатьева, непосредственная организация и осуществление работ были поручены статистикам, снискавшим себе «лестную извест-

⁶ Загоскин М. В. Изучение сибирских общин // Сибирь. 1887. № 2. С. 4.

⁷ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 27. Д. 621 Т. 1. Л. 8.

ность работами в сфере земской статистики» – Н. М. Астыреву, Е. А. Смирнову, а также ставшему фактическим руководителем работ Л. С. Личкову. Именно возглавляемые им хозяйственно-статистические исследования будут, с одной стороны, направлены на описание экономического быта сельского населения восточносибирских губерний, и преследовать утилитарную цель «определения нормальных размеров крестьянского надела и оброчной подати», а с другой – немало способствовать развитию «общей экономической науки» путем выяснения генезиса аграрных отношений.

Леонид Семенович Личков родился 16 апреля 1855 г. в г. Холмогоры⁸. По окончании в 1873 г. Архангельской гимназии поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию, курс которой не завершил из-за «прикосновенности» к студенческим волнениям. В 1878 г. после ареста он был выслан на родину, в Архангельскую губернию, где приступил к изучению хозяйственного быта местного населения. В 1879–1880 гг. принял активное участие в исследовании архангельским губернским статистическим комитетом земледельческой общины. Результатом стала небольшая работа «Семужинская община (Архангельской губернии)»⁹, подводившая первые итоги исследования общины с использованием программ ВЭО и РГО.

Автор использовал собственный опыт составления ответа на программы, чтобы продемонстрировать присущие им серьезные недостатки. К таковым он относил, прежде всего, преимущественно юридический характер программы ВЭО, вопросы которой нацеливают исследователя на сбор сведений исключительно об уже сложившихся формах землевладения с целью «установления более или менее правильного законодательства относительно владения землею

⁸ Автор выражает признательность внучке Л. С. Личкова – О. Б. Личковой, любезно предоставившей копию машинописного экземпляра работы ее отца Б. Л. Личкова «Памяти Л. С. Личкова» (Рукопись хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в личном фонде Б. Л. Личкова (Ф. 1039)).

⁹ См.: *Личков Л. С. Семужинская община (Архангельской губернии)* // Сб. материалов для изучения поземельной общины / Под ред. Ф. Л. Барыкова, А. В. Половцева и П. А. Соколовского. СПб., 1880. С. 389–393.

в том смысле, который, на основании собранного фактического материала, сочтется наиболее благоприятным для будущности нашего земледельческого населения»¹⁰.

Куда более актуальным Личков считал проведение исследования общины, носящего экономический характер (в большей мере, на его взгляд, присущий программе РГО). Исследование призвано было рассмотреть формы землевладения и землепользования в динамике, собрать факты, свидетельствующие о влиянии экономических условий на изменение земледельческих порядков (и не только общинных). И произвести это надлежало «в интересах экономической науки, в смысле выяснения и поправки политико-экономических тезисов и положений»¹¹, доверие к которым было серьезно подорвано вследствие заимствований из западной экономической науки и отсутствия отечественных исследований порядков и форм владения землей.

В 1881–1882 гг. уже в качестве представителя земской статистики – заведующего рязанским губернским земским статистическим бюро – Л. С. Личков обратился к вопросу об организации статистических исследований. Он выдвинул на первый план наличие хорошо подготовленных людей, умение, опытность и интерес к делу которых являются залогом точности статистических наблюдений¹².

В 1883–1886 гг. исследовательские интересы Л. С. Личкова (занимавшего должность секретаря Саратовской губернской земской управы) все больше смещаются в сторону изучения истории форм крестьянского землевладения. Описание существующих поземельных отношений и их изменений во времени должны, на его взгляд, служить обязательным введением к изучению сельского хозяйства каждого уезда. Что последовательно реализуется им при описании форм крестьянского землевладения в Саратовском уезде¹³.

¹⁰ Личков Л. С. Первые опыты по исследованию поземельной общины // Дело. 1881. № 1. С. 51.

¹¹ Там же.

¹² Личков Л. С. К вопросу об организации статистических исследований на местах // Русские ведомости. 1882. 30 января. С. 3.

¹³ Личков Л. С. Формы крестьянского землевладения // Сб. статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 1. Саратовский уезд. Саратов, 1883. С. 32.

Другим предметом изучения стала история форм крестьянского землевладения у бывших государственных крестьян Царицынского уезда, сохранивших воспоминания о времени, причинах и обстоятельствах поселения в южных степях Саратовской губернии. Используя опрос как метод не только статистического, но и исторического исследования, Личков фактически реконструирует историю возникновения и развития общинных порядков, начиная с захватного пользования землей, завершая общинным владением ею, с разверсткой путем частных и коренных переделов между домохозяевами по душам, работникам и т. п.¹⁴

Ход и результаты сибирских исследований

Основным методом получения информации, применявшимся в земских хозяйственно-статистических исследованиях — земельно-хозяйственных переписях, был экспедиционный: устный опрос населения по заранее составленным формулярам, разработка которых и, прежде всего, пообщинного бланка, осуществлялась с опорой на вышеназванные программы для изучения земельной общины.

Как и у этнографа, главной функцией статистика стало описание общины как общественного, экономического феномена. Статистики попытались дать ответ не только на вопрос «как?», традиционный для этнографа, но и на вопросы «почему?» и «сколько?». Помимо функции сбора материала статистики предприняли попытку его обобщения, систематизации, анализа и даже концептуального осмысления. Продемонстрировали они и первый опыт устно-исторического исследования.

Л. С. Личков настаивал на высокой степени достоверности сведений, получаемых при подворной переписи, производимой посредством опроса крестьян на миру, главным образом благодаря наличию хорошо составленной программы, а также предварительной подготовке статистиков¹⁵.

¹⁴ См.: Личков Л. С. Заселение и история форм крестьянского землевладения южных степей Саратовской губернии (По земско-статистическим исследованиям) // Земский обзор. 1885. № 8–9. С. 109–112; № 10. С. 133–137.

¹⁵ См.: Восточное обозрение. 1888. № 16–17. С. 7–8.

Опрос производился в каждом селении на сходе, в присутствии всех или большинства домохозяев данного селения, что не только ускоряло процесс опроса, но и повышало достоверность информации благодаря контролю со стороны участников. В вопросе о формах крестьянского землепользования и вообще идет речь о получении опросным путем качественных характеристик, а не количественных показателей.

Опросы в селениях Иркутской губернии были начаты в декабре 1887 г. и завершены к январю 1889 г., прерываясь лишь на время полевых сельскохозяйственных работ. До осени 1889 г. шла обработка материалов. В конце того же года в Иркутске увидел свет первый том «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», содержащий таблицы. В 1890 г. уже в Москве были изданы пять выпусков второго тома, содержавшие и текстовую часть¹⁶. В том же году исследование было перенесено на территорию Енисейской губернии¹⁷.

Коллектив авторов скорее тяготеет к дроблению, а не синтезу предмета. Поэтому несомненным достоинством организации работ стало их распределение между участниками не по территориальному (что было характерно, например, для западносибирской экспедиции, начавшей свою работу годом ранее), а по предметному принципу. При этом каждый исследователь взял на себя разработку материала по всему региону по тем вопросам, в которых был наиболее компетентен и сведущ.

Описанию общинных форм землевладения была посвящена самостоятельная глава «Формы крестьянского и инородческого землевладения», автором которой стал Л. С. Личков. Ее следует рассматривать как пример успешного синтеза экономического, этнографического и исторического знания.

Личков начинает свое повествование с описания начальной ступени развития форм крестьянского землевладения

¹⁶ Шестой выпуск второго тома «Материалов...» по Иркутской губернии был издан в Иркутске в 1892 г.

¹⁷ Подробнее см.: *Астырев Н.* Организация и ход статистических исследований в Восточной Сибири // *Юридический вестник.* 1890. Т. IV. Кн. 4. С. 664–682.

(захватно-родовой), полученного единственно доступным ему методом устной истории, «по рассказам стариков», приведенным теми «фактам образования различных выселков и заимок и, наконец, по аналогии с формами захвата, ныне практикуемыми... Два-три примера, взятые наудачу, выяснят, как происходил этот захват “на памяти дедов и стариков”»¹⁸.

Поскольку заселение края производилось не одновременно и условия, в которые попадали переселенцы, были различны, «...совершенно невозможно проследить историю постепенного, последовательного развития тех изменений, какие с течением времени происходили в чистой форме захватно-родового землевладения. Представляется лишь возможным констатировать происшедшие изменения, ...уяснить их причины и значение и указать относительную степень распространенности тех или других изменений в данный момент в различных общинах»¹⁹.

Именно в наблюдении исторических изменений как этнографических явлений видел Личков задачу изучения «живой истории» общины. Если бы существовала возможность проследить эти изменения во времени, «...то перед глазами исследователя прошло бы, вероятно, весьма много фактов этого рода, тогда как если изучать распространенность этих переходных явлений за каждый данный момент, — их, без сомнения, найдется сравнительно не много»²⁰. Большинство изменений происходит, «не оставляя часто по себе следов». От словесного решения той или иной общины, неоднократно указывает исследователь, «не осталось и следа».

Наибольший интерес исследователь проявил к захватно-родовому владению землей, введя в оборот это понятие (используя слова «захват» и «родовое владение» как «весьма употребительные среди местного сельского населения» и точно отражающие отношения, складывающиеся в про-

¹⁸ Личков Л. С. Формы крестьянского и инородческого землевладения // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 3. М., 1890. С. 115.

¹⁹ Там же. С. 135.

²⁰ Там же. С. 164.

цессе вольного заселения края, изобилующего свободными землями²¹). И, прежде всего потому, что долгое время в литературе господствовала точка зрения, отрицавшая существование общинного землепользования в Сибири и наставлявшая на широком (за исключением густонаселенных районов) распространении индивидуальной земельной собственности, являющейся, в известной степени, порождением первоначального захватно-родового владения.

Именно в этой форме хозяйственной организации исследователь небезосновательно усматривал корни всех последующих изменений в общинных порядках. Поэтому он рассматривает «характерные черты захватно-родового владения в его чистом виде», а затем на основании собранных материалов выясняет, как под воздействием меняющихся условий жизни (увеличивающейся в результате роста численности населения нужде в земле) меняются и эти черты, нарушаются «равновесие взаимоотношений отдельных членов общины» и «отношения междуобщинные». Появляющиеся и усиливающиеся споры из-за земли, случаи самовольного запахивания меж, нарушения земельных прав разрушают чистую форму захватно-родового владения, приводят к увеличению прав «мира», в ущерб правам отдельных его членов.

«Захватно-родовое владение, — подчеркивает исследователь, — как это могло бы показаться на первый взгляд, отнюдь не исключает существования права мира быть владельцем и распорядителем земель, разрабатываемых и утилизируемых его отдельными членами; иными словами, не исключает возможности существования общинной формы землевладения»²². Опираясь на материалы опросов, Личков пытается доказать, что уже с момента возникновения захватно-родовое владение несет в себе свойства, характерные для общинного землевладения, препятствуя, например, переходу своих земель в «чужие» руки.

Страницы, посвященные Л. С. Личковым захватно-родовой форме владения, предоставляют уникальную воз-

²¹Личков Л. С. Формы крестьянского и инородческого землевладения... С. 115.

²² Там же. С. 122.

возможность наблюдать за выработкой понятийного аппарата науки, который будет впоследствии не только использован другими хозяйственно-статистическими исследованиями, но и востребован этнографией и исторической наукой.

Подводя итог исследования, статистик констатирует факт существования на большей части территории Иркутской губернии преимущественно переходных к общинным форм землевладения, включая и захватно-родовое: «Вообще же, захватно-родовое землевладение переживает здесь в настоящее время переходный момент своего существования и, вследствие различия во времени возникновения разных общин, а также и чрезвычайного разнообразия условий, в каких они жили с момента своего возникновения, современное захватно-родовое владение исследованного района являет... чрезвычайное разнообразие форм своего существования»²³.

Несмотря на критику, прозвучавшую в адрес историко-экономических построений Л. С. Личкова (за якобы присущее стремление любыми способами скрыть факт первоначального господства «захватной», «заимочной» частной собственности, доказать, что смысл истории развития форм землепользования в Сибири заключался исключительно в победе общинного начала над личным), исследование в целом и использованные в его ходе новые аналитические методы были высоко оценены научным сообществом. Так, в 1893 г. этому труду была присуждена большая золотая медаль по отделению статистики Русского географического общества.

К сожалению, как сибирским работам Л. С. Личкова, так и написанным позднее на основе собранных в Сибири материалов, была уготована участь забвения. Опубликованные в малотиражных изданиях научного общества, они остались незамеченными как большой наукой, так и местными сибирскими исследователями. Между тем эти работы представляют немалый интерес как попытка систематизировать ранее полученное знание.

²³ Личков Л. С. Формы крестьянского и инородческого землевладения... С. 256.

Систематизация историко-экономического знания

Еще летом 1890 г. Л. С. Личков получил приглашение от А. П. Игнатьева, ставшего генерал-губернатором Юго-Западного края, переехать в Киев с целью изучения форм землевладения на Украине. В 1892 г. Личков переехал возглавить отделение по крестьянским делам канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Уже в январе 1893 г. он становится действительным членом Исторического общества Нестора-Летописца при Университете Св. Владимира, где на почве общего интереса к проблемам истории общины близко сходитя с известным историком, профессором И. В. Лучицким.

Внимание к оригинальным построениям в области «живой истории» общины со стороны столь авторитетного ученого-историка поощрили Л. С. Личкова к ряду публичных выступлений с изложением известного по публикациям материала, стремлению сделать его интересным и полезным для академической аудитории профессиональных историков и любителей прошлого. Поэтому далеко не случайно Личков избирает темой своего первого выступления в заседании Общества 28 ноября 1893 г. историю заселения Сибири.

Содержание этого доклада интересно не столько конкретными фактами, сколько рассказом о новом для исторической науки методе их получения – методе устной истории, активно использовавшемся статистиками в ходе изучения крестьянской общины в Сибири, но еще не вошедшем в арсенал исторической науки.

В утвержденную программу исследований вопросы истории не входили, но необходимость бывать в каждом населенном пункте и вступать в беседу с местным населением предоставила возможность попутно, «почти не увеличивая времени на производство исследования..., собирать от того же населения и сведения о времени его поселения, об истории основания селений и обстоятельствах его сопровождавших»²⁴. При этом статистик особо подчеркивает общ-

²⁴ Личков Л. С. Новые данные по истории заселения Сибири // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX. Киев, 1895. С. 76.

ность способа получения исторической и статистической информации – опрос, в данном случае, преимущественно «стариков и дедов», знакомство с преданиями, сохранившимися в памяти местного населения.

Останавливается он и на проблеме достоверности исторических сведений, полученных таким методом. Сравнение добытых данных о времени заселения двух районов с информацией, почерпнутой из сохранившихся архивных документов, убедило исследователя в том, что «пользоваться сведениями, собранными от жителей распросным путем, вполне допустимо и возможно при необходимой осторожности в обращении с ними, так как распросные сведения, в общем, незначительно отличаются от архивных»²⁵.

Историки, привыкшие разрабатывать историю на основе документальных источников, считал Л. С. Личков, напрасно недооценивают информацию, содержащуюся в устных преданиях. Отношения собственности, зафиксированные в коллективной памяти общины, оставляют крайне мало следов на бумаге. Тем более что в архивах откладываются, главным образом, официальные документы, проливающие свет, в лучшем случае, на «внешнюю сторону» истории этих отношений. Реконструировать же историю «внутренней жизни» можно иногда исключительно по данным устной истории. Способны они и «восполнить брешь», образовавшуюся в результате гибели архивных материалов.

В заключение доклада статистик подчеркнул особую актуальность сведений, получаемых методом устной истории, для будущих историков Сибири, порой не имеющих возможности опереться в своих работах на письменные источники, оставив, впрочем, «окончательное решение о том, должен ли ...такого рода материал приниматься во внимание при изучении местной истории»²⁶, за профессиональными историками.

Следующий доклад Л. С. Личкова, прочитанный на заседании исторического общества Нестора-Летописца 3 апреля 1894 г. – «Очерк истории развития форм крестьянского

²⁵ Личков Л. С. Новые данные по истории заселения Сибири. С. 79.

²⁶ Там же. С. 84.

и инородческого землевладения в Восточной Сибири по новейшим данным» – призван был, с одной стороны, познакомить слушателей с конкретными результатами недавно завершеного автором исследования, с другой – продемонстрировать возможности новых аналитических методов для познания прошлого общины.

Понятием «история» статистики определяли, как правило, не хронологическую последовательность возникновения общинных порядков, а естественный переход от одной формы хозяйственной организации к другой. Эти наблюдаемые этнографически и устанавливаемые методом опроса «переходы» они предложили «экстраполировать» в «историю» (прошрое): «Сама история развития форм землевладения у сибирского крестьянства может быть в достаточной подробности изучена путем исследования тех условий землевладения и землепользования, которые могут быть наблюдаемы в Сибири в настоящее время»²⁷. Значимость этих исследований не ограничивается, по мнению Личкова, вкладом в познание местной истории. Серьезное значение их результаты должны иметь и для изучения истории тех же форм в Европейской России.

Л. С. Личков еще дважды выступил в Обществе с докладами, основанными на собранных в Сибири материалах, на чем фактически прекратилось его участие в исследовании «живой истории» общины. Но не завершилась история этой исследовательской области.

Вместо заключения

Элементы оригинальной историко-экономической концепции эволюции народного землевладения, выработанные усилиями сибирских статистиков, довелось свести воедино А. А. Кауфману. На исходе XIX века одна за другой увидели свет его монографии, обобщившие результаты местных исследований, осуществленных в Западной (в том числе и им самим) и Восточной Сибири, а также в Забайкалье. Итог

²⁷ Личков Л. С. Очерк истории развития форм крестьянского и инородческого землевладения в Восточной Сибири по новейшим исследованиям // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX. Киев, 1895. С. 18.

многолетних исследований Сибири, европейской части России и Кавказа был подведен в книге «Русская община в процессе ее зарождения и роста»²⁸, благодаря которой ученый снискал авторитет уже не только «первооткрывателя сибирской общины», но и основоположника «историко-социологической теории эволюции народного землевладения»²⁹.

Не отрицая несомненных заслуг ученого, по праву занявшего достойное место в русской историко-экономической науке конца XIX – начала XX веков, будем помнить и о тех исследователях, что остались в тени своих более известных и успешных современников. Но именно им принадлежит приоритет в постановке ряда актуальных проблем историко-экономической науки, генерировании идей, подхваченных и развитых впоследствии научными лидерами.

²⁸ Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

²⁹ См.: Воронцов В. П. Учения о происхождении земельной общины в России // Вестник Европы. 1910. № 4. С. 278.